

Антагонистическое измерение политического: от Карла Шмитта к Шанталь Муфф

Н.А. Балаклеец¹, Е.В. Бакшутова², Н.С. Мухаметшина¹

¹ Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

² Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия

Поступила в редакцию: 23.03.23

В окончательном варианте: 31.03.23

■ Для цитирования: Балаклеец Н.А., Бакшутова Е.В., Мухаметшина Н.С. Антагонистическое измерение политического: от Карла Шмитта к Шанталь Муфф // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 2. С. 51–60. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.2.6>

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты теоретического анализа феномена политического, понятого в его антагонистическом измерении, в контексте классических и современных политико-философских учений. Раскрыты философские смыслы и политические импликации антагонистических концепций политического К. Шмитта и Ш. Муфф, а также альтернативной им концепции У. Бека. Предложена авторская интерпретация Шмиттовой оппозиции друга и врага как инклюзивного антагонизма, сохраняющего свое политическое значение при наличии открытой возможности его конституирования. На основе анализа идей У. Бека, изложенных в его работе «Изобретение политического», обоснована теоретическая несостоятельность бесконфликтной модели политического. Проведен сравнительный анализ феномена политического в концепциях К. Шмитта и Ш. Муфф. Обоснован контингентный характер оппозиции друга и врага, представленной в концепции Ш. Муфф, в которой антагонизм становится модусом агонизма.

Ключевые слова: политическое; политика; антагонизм; агонизм; холодная война; враг; граница; биполяризм.

The antagonistic dimension of the political: from Carl Schmitt to Chantal Mouffe

N.A. Balakleets¹, E.V. Bakshutova², N.S. Mukhametshina¹

¹ Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

² Samara State Institute of Culture, Samara, Russian Federation

Original article submitted: 23.03.23

Revision submitted: 31.03.23

■ For citation: Balakleets N.A., Bakshutova E.V., Mukhametshina N.S. The antagonistic dimension of the political: from Carl Schmitt to Chantal Mouffe. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(2):51–60. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.2.6>

Abstract. The article presents the results of the theoretical analysis of the phenomenon of the political, understood in its antagonistic dimension, in the context of classical and modern political and philosophical doctrines. The philosophical meanings and political implications

of the antagonistic concepts of the political by Carl Schmitt and Chantal Mouffe, as well as the alternative concept of Ulrich Beck, are revealed. The author's interpretation of Schmitt's friend-enemy distinction is proposed as an inclusive antagonism that retains its political significance in the presence of an open possibility of its constitution. On the basis of the analysis of U. Beck's ideas outlined in his work «The Invention of the Political», the theoretical inconsistency of the conflict-free model of the political is substantiated. The comparative analysis of the phenomenon of the political in the concepts of C. Schmitt and Ch. Mouffe has been carried out. The contingent nature of friend-enemy distinction, presented in the concept of Ch. Mouffe, in which antagonism becomes a modus of agonism, is substantiated.

Keywords: political; policy; antagonism; agonism; cold war; enemy; border; bipolarism.

Теоретическая рефлексия политического, с одной стороны, вызревает на почве определенных политических событий, в условиях актуального политического порядка. Тем самым философское исследование политического не свободно от экстрафилософских ценностей и установок. С другой стороны, политико-философские концепции, в свою очередь, не могут не оказывать влияние на ход политических процессов: теоретические конструкты служат инструментами, задающими границы и способы осмысления существующих и возможных реалий.

В настоящей статье проводится анализ концепта «политическое» в его антагонистическом измерении, а также рассматривается его связь с политическими процессами. Отправной точкой рефлексии является понимание политического как структуры, которая определяет границы политики и задает ее нормативное измерение.

Классическая антагонистическая модель политического, разработанная Карлом Шмиттом, основана на разграничении категорий друга и врага. Последние категории следует трактовать не в их экзистенциально-личностном, но в глубоко политическом смысле. Врагом по Шмитту не может выступать личный обидчик или недоброжелатель (*inimicus*). Понятие политического врага (*hostis*) распространяется на политическое единство (государство), которое в случае вызываемых им угроз следует не привести к небытию, но водворить «обратно в свои границы» [1, с. 400]. Таким образом, наличие у государства возможности выбора друзей и врагов является условием существования политического как такового. Значимый момент Шмиттовой концепции политического заключается в том, что конститутивная для нее категория врага не является свидетельством ее агрессивно-экспансионистского характера, но, напротив, рассматривается в качестве средства деэскалации насилия. Признанные друг другом враги (комбатанты как официальные представители суверенных государств) регламентируют собственные военные действия, удерживая насилие в отведенных ему границах. Напротив, действия «незаконного врага» (*hostis injustus*) направлены на разрушение политического порядка и способствуют возвращению человечества к доправовому («естественному») состоянию. Последний тезис был осмыслен еще И. Кантом, который относил к категории незаконного врага того, «чья публично (все равно, словом или поступком) выраженная воля выскажет максимум, согласно которой, если я сделаю ее всеобщим правилом, состояние мира между народами станет невозможным и навеки установится естественное состояние» (цит. по: [2, с. 212]).

В 1952 году, в условиях холодной войны между СССР и США, Шмитт публикует статью «Единство мира», в которой критически анализирует сложившийся политический дуализм [3]. Казалось бы, новейшая история породила классический антагонизм друга и врага, в котором воплощается сущность политического. Тем не менее установившийся биполярный политический порядок рассматривается Шмиттом в модусе недолжного. Указанное обстоятельство объясняется, во-первых, неустойчивостью сложившейся политической констелляции, которая в силу абсолютного характера вражды между двумя ведущими актерами тяготеет к монополярному миру. Абсолютный враг уже не воспринимается в перспективе удерживающего отрицания: он не должен быть просто водворен в его прежние границы. Отныне враг подлжит если не тотальному отрицанию, то по меньшей мере десимволизации и моральному подавлению. Во-вторых, политическое единство мира наделяется Шмиттом негативными коннотациями в силу теологической подоплеки его концепции. Обращение к теологическим смыслам Шмиттовой концепции политического (как, впрочем, и других политико-философских учений) оправдано исходя из возникшего в современном научном мире представления о «постсекулярном» миропорядке [4, с. 5]. Как отмечает Шмитт: «Мы представляем себе единство как единодушие и единогласие, как мир и добрый порядок. <...> Можем ли мы в силу этого вынести абстрактное и общее утверждение, что единство лучше множества? Ни в коем случае. <...> Не каждая эффективно функционирующая централистская организация, будучи простым единством, уже в силу этого соответствует образцу человеческого порядка. Царство Сатаны также является единством, и сам Христос исходил из монолитного характера царства зла, говоря о дьяволе и Вельзевуле» [3]. Рассматривая перспективы трансформации политического дуализма в моноцентричный или полицентричный политический порядок, Шмитт тяготеет к последнему варианту. В качестве катехона [5], сдерживающего наступление «последних времен», автором понимается не отдельно взятое политическое единство (государство), наделенное суверенной властью, но система политических единств («политический плюриверсум»), которая основана на сдерживании попыток каждого из них установить глобальный суверенитет. Отдельно взятое суверенное государство, рассматриваемое вне широкого контекста «политического плюриверсума», не может служить катехоном («удерживающим»), предотвращающим наступление «конца истории». Таким образом, фактором, регламентирующим политическое насилие, согласно Шмитту, служит наличие у государства не единственного («абсолютного») врага, но возможности самостоятельно определять законных, или «справедливых», врагов [6, с. 50, 58]. Политическое, понятое в своем нормативном измерении, должно быть организовано как *инклюзивный антагонизм* — это означает, что Шмиттова оппозиция друга и врага сохраняет свое позитивное политическое значение при открытой возможности ее конституирования, т. е. при наличии *выбора* друзей и врагов.

Окончание холодной войны послужило своеобразной точкой отсчета для нового витка рефлексии политического. Разрушение политического биполяризма дало импульс теоретическим поискам новой, неантагонистической, модели политического. В монографии «Изобретение политического»

Ульрих Бек постулирует необходимость разработки нового теоретического подхода к объяснению реалий постбиполярного мира. Согласно Беку, падение Берлинской стены (1989) явилось знаковым событием, положившим конец рассуждениям о политическом в логике «или — или» («entweder — oder»): «Для изгнания коммунизма со сцены мировой истории не потребовалось грубого насилия, связанных за спиной рук, кровавого Большого взрыва. Он просто исчез как кошмарный сон при пробуждении. Как сказка *made in наяву*» [7, s. 10]. Вместе с тем бытийная определенность победы (равно как и поражения) как в «горячем», так и в «холодном» политическом противостоянии устанавливается в широкой временной перспективе [8]. Как отмечает Жюльен Фрэнд: «Какой бы решительной ни была в будущем победа, венчающая конфликт, она не может заранее предопределить будущее, ни предоставить непоколебимую гарантию от возрождения в будущем конфликтов, которые могут при определенных условиях закончиться поражением нынешнего победителя» [9, с. 220].

Для того, чтобы уже свершившееся историческое событие приобрело статус победы и сохраняло этот статус, причем не только в партикулярном и пристрастном дискурсе победителя, но и в дискурсивных практиках других политических акторов (в том числе, побежденных), необходима постоянная работа по поддержанию соответствующих дискурсивных практик и расширению области их влияния. «Головокружение» от неожиданных успехов способно привести к утрате преимуществ, достигнутых в результате политической борьбы. На наш взгляд, осознанием данного обстоятельства и руководствуется Бек, говоря об охватившем Запад «кризисе победителей» после окончания «холодной войны» и необходимости нового изобретения западной социологии в ситуации постбиполярного мира [7, s. 12, 17].

По мнению ученого, социальная теория, отражающая новые политические реалии, должна ориентироваться не на практики исключения, но на способы включения в политическую жизнь альтернатив и инаковостей. Провозглашая необходимость нового изобретения социологии, которое предполагает разработку ее концептуального аппарата и вокабуляра, Бек тем самым дистанцируется от Шмиттовой антагонистической модели политического. На смену антагонистической политической эпохе, основанной на противостоянии непримиримых врагов, должен прийти инклюзивный мировой порядок, который растворяет границы между «своим» и «чужим», растождествляет понятия политики и государства и предполагает включение индивидов в повседневную политическую практику. Бесконфликтная модель политического призвана стать выражением новой эпохи, которую Бек обозначает союзом «и» (нем.: «und»). В мировом масштабе переход к инклюзивной эпохе «и» подразумевает отказ от национальных моделей демократии в пользу институтов глобальной демократии. На смену «политике политиков» должна прийти так называемая субполитика (*die Subpolitik*), которая основывается на трансформации общества «снизу», путем реализации гражданских инициатив [7, s. 164]. Если Шмиттова оппозиция друга и врага относится к коллективным идентичностям, которые являются участниками политических отношений, то в концепции Бека происходит индивидуализация субъектов политики. В условиях рефлексивной модернизации микрокосм индивидуального

modus vivendi смыкается с глобальным макрокосмосом, так что индивидуальное решение может обретать политический характер (к примеру, политическое измерение отчетливо выражено в решении экологических проблем современности на уровне субполитики).

Тем не менее стремление построить бесконфликтную (инклюзивную) теоретическую модель политического обнаруживает свою несостоятельность перед лицом неизбежных конфликтов, которые пронизывают социальную жизнь. В данном контексте знаковой является концепция политического Шанталь Муфф, которая, следуя Шмитту, отстаивает необходимость сохранения антагонистического измерения в осмыслении политических процессов. Подвергая критике идеи Ульриха Бека (а также родственные им взгляды Энтони Гидденса), Муфф усматривает основной недостаток современного либерализма в затушевывании им конфликтного характера политического. Вместе с тем оппозиция «мы — они», упорно отрицаемая Беком, отчетливо кристаллизуется в его собственной концепции. Первый из элементов указанной оппозиции представлен участниками процесса рефлексивной модернизации. Им противостоят ее противники — «традиционалисты» или «фундаменталисты» [10, p. 55], не способные принять полноправное участие в политическом диалоге. Тем самым Бек, с точки зрения Муфф, совершает «постполитический трюк», проводя политическую границу и при этом отрицая ее политический характер. За декларируемым сугубо социологическим характером концепции рефлексивной модернизации скрывается ее политическая подоплека: граница между теми, кто органично вписался в условия посттрадиционализма, и теми, кто «все еще отчаянно цепляется за прошлое», имеет выраженную политическую природу [10, p. 54–56].

В русле выстраиваемой Муфф концепции политического обосновывается невозможность достижения всеобъемлющего рационального консенсуса [10, p. 11]. Иными словами, преждевременными или утопичными представляются попытки провозглашения инклюзивной (пост)политической эпохи, которая исключала бы противостояние «друзей» и «врагов». Постбиполярная современность порождает новые ассоциации и диссоциации и служит источником новых конфликтов, не решаемых ненасильственным путем.

Муфф подвергает критике существующие в современной политической философии либеральные парадигмы. Первая из них, агрегативная, исходит из идеи достижения компромисса между различными социально-политическими силами. В рамках рассматриваемой парадигмы индивиды представлены как рациональные существа, мотивами преобразования политического мира которых служит максимизация собственных интересов. Тем самым на сферу политики переносится модель рыночных отношений [10, p. 13], а каждый из политических акторов наделяется чертами *homo economicus*. Вторая, делиберативная (т. е. совещательная), парадигма, разрабатываемая, в частности, в трудах Юргена Хабермаса, основана на достижении связи между моралью и политикой. Для нее характерна попытка заменить инструментальную рациональность коммуникативной: утверждается возможность достижения в политической сфере «рационального морального консенсуса посредством свободной дискуссии» [10, p. 13]. Если в рамках агрегативной парадигмы политическая сфера анализируется через призму экономических отношений,

то в рамках делиберативной — через призму морально-этических категорий. Тем самым политическое утрачивает свой автономный статус и онтологическую определенность, редуцируясь к иным, неполитическим, формам социального взаимодействия. В свете указанных идей проясняется мысль К. Шмитта о том, что не существует либеральной политики, но всегда есть «лишь либеральная критика политики» [1, с. 348]. Впоследствии А. де Бенуа назовет термин «либеральная политика» понятийным противоречием [11, с. 19]. Игнорируя такие феномены, как государство и политика, либеральное мышление концентрируется на полюсах «этики и хозяйства» [1, с. 348], что, собственно, и находит свое выражение в двух названных парадигмах, анализ которых представлен у Ш. Муфф.

Любой политический консенсус, даже самый широкий, не может быть всеобъемлющим. Любая ассоциация подразумевает наличие выходящих за ее рамки элементов. В случае отсутствия несогласных попытки установления консенсуса были бы лишены смысла, и само его установление автоматически не приводит к единодушию и единогласию. Уместным в данном контексте представляется экскурс в историю понятия «естественное состояние», которое было определено Т. Гоббсом. Утверждение консенсуса, закрепленного в общественном договоре, прекращает состояние всеобщей подозрительности и вражды («войны всех против всех»). Иными словами, потребность в консенсусе возникает в ситуации явных или латентных конфликтов, которые полностью не прекращаются даже в гражданском состоянии. Так, согласно автору «Левиафана», действия бунтовщиков подрывают «авторитет установленного государства» и направлены на «возобновление состояния войны» [12, с. 218–219]. Кроме того, «непрерывная война» между государствами трактуется Гоббсом как аналогия естественного состояния, характеризующего межчеловеческие отношения [12, с. 148–149]. Таким образом, элементы естественного (дополитического) состояния сохраняются и в структуре политического (как в рамках отдельно взятого государства, так и в межгосударственных отношениях). Данное обстоятельство было осмыслено еще Фридрихом Генцем, который утверждал, что «естественное состояние в отношениях между народами изменится полностью лишь тогда, когда они смогут объединиться в единое государство» [13, с. 337].

Как показывает Муфф, неантагонистическое понимание политического в неолиберальном дискурсе служит фасадом, скрывающим наличие антагонизмов в политической практике. Сохраняя свое политическое значение, оппозиция «мы — они» маскируется в неолиберальном дискурсе, облекаясь в моральные категории. Речь уже не идет о противоборстве «справедливых» или «признанных» врагов (*justi hostes*), но о борьбе добра и зла. Показательным в данной связи является «крестовый поход» Дж. Буша-младшего против «оси зла». Моральное (но не политическое) определение врага прослеживается и в дискурсе Р. Рейгана (знаменитая борьба с «империей зла») [10, р. 75]. За применением моральной категории зла по отношению к политическому актору, на наш взгляд, скрывается не только отказ от признания его равным себе по политическому статусу, но и самоопределение в качестве катехона. Врагом последнего является тот, кто стремится снова свергнуть мир в «естественное состояние», которое, в случае установления

военно-политической гегемонии, приобретет эсхатологический статус «последних времен». Так понятый враг становится «абсолютным» (термин К. Шмитта), подлежащим приведению к небытию, а борьба с ним, соответственно, становится «особенно интенсивной и бесчеловечной» [1, с. 400] и оправдывается посредством использования морально-оценочных категорий.

Осуществляя рецепцию ряда идей Шмитта в новом социально-историческом контексте, Муфф призывает к отказу от строительства однополярного мирового порядка в пользу многополярного мира. Подлинная многополярность предполагает наличие множества центров принятия решений и относительное равновесие между ними. Тем самым на глобальное мироустройство экстраполируются принципы *Jus Publicum Europaeum*, изложенные в хрестоматийном исследовании немецкого правоведа [10, р. 116], [2]. Сторонники постполитического мирового порядка декларируют отказ от признания политических антагонизмов, тогда как концепция радикальной демократии, развиваемая Муфф, сохраняет элементы Шмиттова понимания феномена политического. Политическая дифференция (разграничение концептов «политическое» («the political») и «политика» («politics»)), присущая концепции Муфф, закрепляет за первым из указанных концептов антагонистическое измерение, конститутивное в целом для социальной реальности. Политика же представляет собой совокупность практик и институтов, посредством которых создается социальный порядок, организующий человеческое событие в соответствии с конфликтной моделью, задаваемой политическим [10, р. 9]. Автор работы «О политическом» демонстрирует разрыв с методологическим индивидуализмом, который присущ либеральным политико-философским концепциям. По ее мнению, политический антагонизм прослеживается в действиях не индивидов, но коллективных политических акторов. Вместе с тем для концепции Муфф характерен отказ от жесткого дуализма, разделяющего политические единства по оси друзей и врагов. Конструирование коллективных идентичностей предполагает наличие «конститутивного внешнего» («the constitutive outside») и выстраивание отношения «мы — они», которое *per se* не является антагонистическим, но *может* стать таковым. Инаковость перерастает в антагонизм в том случае, если чужая идентичность («они») ставит под сомнение «нашу» идентичность и угрожает ее существованию [10, р. 15–16]. Таким образом, оппозиция друга и врага в концепции Муфф становится контингентной (т. е. политический агонизм может перерасти в антагонизм, а может сохранить свой «агонистический» статус).

Агонистическое понимание феномена политического требует дополнительного объяснения. С одной стороны, участников политического противостояния не следует рассматривать в качестве простых конкурентов, чьи разногласия подлежат снятию путем переговоров. С другой стороны, политические акторы не являются абсолютными врагами, подлежащими тотальному искоренению. Агонизм понимается Муфф в качестве такого отношения между коллективными идентичностями, при котором конфликтующие стороны, соглашаясь, что не существует рационального решения их конфликта, тем не менее признают легитимность своих противников [10, р. 20]. Смягчение Шмиттова политического ригоризма достигается путем осмысления

в качестве конститутивных элементов политического не врагов, но «противников» («adversaries»), а вражда становится одним из модусов отношения «мы — они».

Игнорирование политических антагонизмов приводит, по мысли Муффа, к непоправимым последствиям. К таковым, в частности, относится распространение терроризма после окончания холодной войны, в ситуации утверждения неолиберальной модели глобализации под диктатом США. Отсутствие легитимных политических каналов для выражения собственной политической позиции создает благодатную почву для террористических атак, которые трактуются как реакция на учреждение глобального порядка под контролем единственной сверхдержавы [9, p. 81].

Если 1989 год ознаменовал для представителей неолиберальной мысли наступление «конца истории», то 2001 год перечеркнул надежды на устойчивый неолиберальный консенсус. Ситуация в еще большей степени осложнилась после пандемии коронавируса, которая реанимировала, казалось бы, сброшенное со счетов, понятие национального государства [14]. Процессы деглобализации [15], которые выступают тормозом беспрепятственного и мягкого утверждения однополярного мирового порядка, свидетельствуют об устойчивости феномена политического в его антагонистическом измерении и демонстрируют актуальность его новой философской рефлексии.

Список литературы

1. Шмитт К. Понятие политического. Санкт-Петербург: Наука, 2016. 568 с.
2. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum euroraem*. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2008. 670 с.
3. Mercur [Internet]. Schmitt C. Die Einheit der Welt. [дата обращения 12.03.2023]. Доступ по ссылке: <https://www.merkur-zeitschrift.de/carl-schmitt-die-einheit-der-welt/>
4. Кондуров В.Е. Политическая теология Карла Шмитта: теоретико-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2021. 442 с.
5. Будрайтскис И.Б. Что «удерживает» катехон? Конечность государства в консервативной и социалистической мысли // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 5. № 2. С. 13–33. DOI: 10.17323/2587-8719-2021-2-13-33
6. Шмитт К. Теория партизана. Москва: Праксис, 2007. 301 с.
7. Beck U. Die Erfindung des Politischen. Zu einer Theorie reflexiver Modernisierung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993. 303 s.
8. Балаклеец Н.А. Интеллектуалы как создатели нарративов о войне // *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия Философия*. 2022. Т. 4. № 2(11). С. 5–16. DOI: 10.17673/vsgtu-phil.2022.2.1
9. Фрэнд Ж. Из книги «Социология конфликта» // *Пространство и время*. 2011. Т. 3. № 1. С. 217–223.
10. Mouffe Ch. On the Political. New York: Routledge, 2005. 144 p.
11. Бенуа А. де. Против либерализма: к четвертой политической теории. Санкт-Петербург: Амфора, 2009. 476 p.
12. Гоббс Т. Левиафан. Москва: Мысль, 2001. 480 p.

13. Генц Ф. О вечном мире // Трактаты о вечном мире. Санкт-Петербург: Алетеия, 2003. С. 316–350.
14. Балаклеец Н.А. Война и государство в современную эпоху // Социодинамика. 2019. № 12. С. 103–110. DOI 10.25136/2409-7144.2019.12.31227
15. Князев Ю.К. Деглобализация: временно или навсегда? // Свободная мысль. 2022. Т. 1691. № 1. С. 35–42.

References

1. Shmitt K. *Ponyatie politicheskogo*. Saint Petersburg: Nauka; 2016. 568 p. (In Russ.)
2. Shmitt K. *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2008. 670 p. (In Russ.)
3. Mercur [Internet]. Schmitt C. Die Einheit der Welt. [cited 2023 Mar 12]. Available from: <https://www.merkur-zeitschrift.de/carl-schmitt-die-einheit-der-welt/>
4. Kondurov VE. *Politicheskaya teologiya Karla Shmitta: teoretiko-pravovoe issledovanie* [abstract dissertation]. Saint Petersburg; 2021. 442 p. (In Russ.)
5. Budraitskis IB. What "holds" the catechon? The limb of the state in conservative and socialist thought. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2021;5(2):13–33. (In Russ.) DOI: 10.17323/2587-8719-2021-2-13-33
6. Shmitt K. *Teoriya partizana*. Moscow: Praxis; 2007. 301 p. (In Russ.)
7. Beck U. *Die Erfindung des Politischen. Zu einer Theorie reflexiver Modernisierung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1993. 303 s.
8. Balakleets NA. Intellectuals as creators of war narratives. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(2):5–16. (In Russ.) DOI: 10.17673/vsgtu-phil.2022.2.1
9. Frend Zh. Iz knigi «Sotsiologiya konflikta». *Prostranstvo i vremya*. 2011;3(1):217–223. (In Russ.)
10. Mouffe Ch. *On the Political*. New York: Routledge; 2005. 144 p.
11. Benua A. de. *Protiv liberalizma: (k chetvertioi politicheskoi teorii)*. Saint Petersburg: Amfora; 2009. 476 p. (In Russ.)
12. Gobbs T. *Leviafan*. Moscow: Mysl'; 2001. 480 p. (In Russ.)
13. Gents F. O vechnom mire. In: *Traktaty o vechnom mire*. Saint Petersburg: Aleteiya; 2003. P. 316–350. (In Russ.)
14. Balakleets NA. *Voina i gosudarstvo v sovremennuyu epokhu*. *Sotsiodinamika*. 2019;(12):103–110. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31227
15. Knyazev YuK. *Deglobalization: temporarily or forever?* *Free thought*. 2022;1691(1):35–42. (In Russ.)

Информация об авторах

Наталья Александровна Балаклеец — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия. **E-mail:** bnatalja@mail.ru

Екатерина Валерьевна Бакшутова — доцент, доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Самарский государственный институт культуры», Самара, Россия. **E-mail:** bakshutka@gmail.com

Наталья Семеновна Мухаметшина — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия. **E-mail:** nmukhametshina@mail.ru

Information about the authors

Natalia A. Balakleets — Candidate of Sciences (Philosophy), Docent at the Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Samara, Russia. **E-mail:** bnatalja@mail.ru

Ekaterina V. Bakshutova — Associate Professor, Doctor of Philosophy, Professor, Samara State Institute of Culture, Samara, Russia. **E-mail:** bakshutka@gmail.com

Natalia S. Mukhametshina — PhD (Political Sciences), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Samara State Technical University, Samara. **E-mail:** nmukhametshina@mail.ru